

14 июня 1983 г

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Евгений МАТВЕЕВ,

народный артист СССР

ВЕЧНЫЙ ДОЛГ
ПЕРЕД ЛЮДЬМИ

Маленькая деревенька на Херсонщине. Здесь рано приобрелся я к нелегкому крестьянскому труду. И сейчас еще могу делать любую крестьянскую работу. С огромным уважением отношусь к человеку, который трудится на земле.

Мальчишкой уходил в поле, которому не было конца и края. Уходил потому, что испытывал огромную радость, оставаясь наедине с ним, слушая пение жаворонка. Там же, в поле, накатывала на меня и печаль, когда думал о маме, тихой и доброй маме, которой досталась горькая судьба одинокой женщины. Сколько слез пролила она, скрывая их от всех, кроме меня. И входили эти слезы в мое детское сердце, и складывались там в нечто такое, чему нет названия...

В те свои годы любил я подражать пению всевозможных птиц, вызывая добрые улыбки односельчан. И еще — любил петь, аккомпанируя себе на балалайке. Но сначала балалайки у меня не было. В селе нашем почти у всех был этот инструмент, а у меня не было. Дед сказал:

— Заробыть трэба.

И я ходил на «большак», продавал арбузы. «Заробыв» на балалайку, с тех пор не расставался с ней. Песни пел больше печальные, женщины-крестьянки слушали и плакали. Случалось, что мои земляки и смеялись, глядя, как показывал я походку колхозного бугая, или слушая «як лається титка Ганна».

Как знать, не было ли это началом? Тем началом, что позже привело к драматическому искусству, к желанию именно через него передать состояние живой и трепетной человеческой души...

У некоторых нынешних молодых людей, стремящихся на сцену или экран, это начало совершенно иное. Прекрасно, конечно, что дети и внуки моих ровесников не испытали голода и разрухи, страданий военных лет. Но вот приходит во ВГИК парень (или девушка), спрашиваешь:

— Почему ты выбрал это дело, эту профессию своим будущим?

Молчит. Не может объяснить, через что пришел к своему решению, через осмысление чего в жизни, в которой не просто прожил 17—20 лет, но и что-то в ней узнал, о чем-то задумался. Не в пустыне ведь жил — среди людей, забот. Неужели, думаю, не вошло в него ничего, не впечаталось в сердце, не откликнулось в нем никак? Ведь без этого, без живой и откликающейся души, не только в нашей, актерской, но в любой профессии невозможно что-то сделать. Потому что все в нашей жизни — дело рук, разума и души человеческой.

Мое детство совпало с годами борьбы за коллективизацию. Все видел, все впечаталось в память — как горели дома активистов, как хоронили мои односельчане большевика, как несколько лошадей тащили в село передвижной локомотив... Все это незабываемо, потому что вобрало в себя и драматические судьбы, и радость коллективного труда, и многое другое. Через годы эти впечатления детства очень помогут мне в работе над такими ролями, как Макар Нагульнов, Захар Дерюгин...

В памяти сохранились многие яркие формы народного творчества моих односельчан тех лет — песни, переплясы, игрища. Сейчас я думаю, что и это в немалой степени определило мои будущие привязанности к драме. Потому что именно народное искусство, в чем бы и как бы разнообразно оно ни проявлялось, всегда и главным образом формировало и формирует эстетику человека. И особенно сильно и прочно, если это ребенок, чьи душа и сердце, словно губка, впитывают в себя все вокруг происходящее.

Детство потихоньку уступило место отрочеству. Это время совпало с нашим переездом в небольшой районный центр Цюрупинск, где я продолжал учиться в школе и где впервые увидел театр. Я стал регулярно смотреть самодеятельные спектакли, ходить на выступления гастролеров-профессионалов. И вновь подражал каждому из них — актеру, танцору, фокуснику. Между прочим, в те годы и сам хотел стать фокусником — напридумывал массу «чудес» и выступал с ними на школьной и клубной сценах. Назывались эти выступления «вечерами» и имели афишу «Выступает юный фокусник Евгений Матвеев». «Вечера» проходили под аккомпанемент все той же балалайки, на которой играл мой товарищ Гриша Горлов, ставший впоследствии ученым.

В Цюрупинском районном Доме культуры впервые играл в спектакле «Без вины виноватые»... Шмагу. Все смеялись, потому что напридумывал я массу всяких трюков, которые, впрочем, никакого отношения не имели ни к Шмаге, ни тем более к Островскому.

Окончив восемь классов, я решил изменить свою жизнь — уйти в «актеры». Без каких-либо пожитков, без денег сел на баржу с арбузами и поплыл в ближайший областной центр Херсон, где была профессиональная труппа. Я уже не представлял своего существования без театра: в ту пору, прижаться, мне было все равно, кем работать в театре, лишь бы быть в нем.

Херсонский театр — музыкально-драматический. Работающему в нем надо было уметь не только играть драматические роли, но и плясать и петь.

При поступлении меня спросили:

— Что вы споете?

Я знал десятки украинских песен, но от волнения неожиданно запел: «Вставай проклятьем заклейменный...»

В комиссии переглянулись, затем кто-то сказал:

— Ну хорошо...

Приняли. Стал я статистом, артистом вспомогательного состава. Кроме участия в массовых сценах, чистил обувь и разносил ее артистам, красил декорации и делал еще много разных и нужных в театре дел. И радовался этим поручениям, потому что считал — раз поручают, значит, нужно. Значит, нужен я театру! Никакую работу в театре не считал второстепенной, зазорной и т. д. И это не просто подробность моих будней того времени, это информация к размышлению. Возможно, некоторые из молодых моих коллег улыбнутся, читая эти строки, но я очень надеюсь, что они и поразмыслят над ними.

При Херсонском театре была студия, в которой обучалась молодежь. Разумеется, я не пропускал ни одного занятия.

Находясь в массовке, что-нибудь придумывал — был и старцем, и горбатым, и хромым. Утанцовывался в спектаклях до полного изнеможения.

Меня заметили. Стали предлагать небольшие роли. В «Бесталанной» Карпенко-Карого изображал музыканта, который играет на свадьбах, — мальчика с бубном.

И вот однажды на этом спектакле оказался приехавший в Херсон по каким-то своим делам Черкасов. После спектакля он захотел увидеть «мальчика с бубном». Меня представили знаменитому уже тогда актеру.

— Надо учиться, — сказал он мне. — И серьезно.

Предложил свою помощь, если я надумаю приехать в Ленинград.

Совет Черкасова придал мне сил, уверенности в себе. Решил поступить учиться. Через год сдал экстерном экзамены за десятый класс и получил нужную для дальнейшей учебы справку. Но куда ехать учиться? Пути-дороги привели в Киев, где я поступил в киноактерскую школу. Руководителем курса был Довженко.

К тому времени Александр Петрович был уже знаменитым кинорежиссером, создавшим такие шедевры, как «Арсенал», «Земля», «Иван», «Щорс». Он не так часто бывал на наших уроках, потому что, кроме постоянной режиссерской работы, был основательно загружен обязанностями художественного руководителя Киевской киностудии. Но когда он приходил к нам и проводил занятия, это были незабываемые часы. Много позже понял я по-настоящему, кем был для меня Александр Петрович, чем обогатил мое будущее, профессию. Но тогда мне было семнадцать, мог ли я до конца проникнуться тем, на что ориентировал всех нас в искусстве Довженко?.. И все-таки главное, мне кажется, я воспринял от своего учителя — идею поэтического кинематографа, абсолютное неприятие бытовщины.

[Продолжение следует].